

нтизмом, чи, вживаючи менш жорстку метафору, стверджували, що протестантизм був чимось на зразок огорожі, що відділила допитливе людство від католицьких забобонів. Тут важко дати визначення, що усунення культу святих та діви Марії, скорочення ритуалу, посилення ролі проповіді, значна зміна чи навіть виключення ролі музики та декоративних мистецтв, та відповідні спрощення в теології є раціоналістичним процесом, і тоді протестантизм виявиться, порівняно з католицизмом, раціоналістичним. Але більшість цих змін відбулися лише у вісімнадцятому столітті, коли раціоналізм очевидним чином справляв великий вплив швидше на протестантські церкви, ніж на католицькі. Але страх як сутнісна частка душі людини, як її тінь не вміщується в одне чи декілька визначень. Він має таке ж забарвлення в християнстві і протестантизмі як складний, потаємно-глибинний та незавершений зміст, як сама людина. Страх в протестантизмі як і його власник – людина постійно змінюється, набуває нових амбівалентних форм, і, ще найістотніше, він адекватно-рівний атрибут цивілізаційної відповіді людства на історичні виклики, що постають перед ним.

Таким чином, страх віри та страх гріха містичний тотожний поставлений трансцендентній меті, прагненню людства знайти самого себе, поєднати свій Дух з Абсолютом та прийти до Бога.

Бібліографічні посилання

1. **Кьєркегор С.** Страх и трепет / С. Кьєркегор. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
2. **Ницше Ф.** Антихристиянин / Ф. Ницше // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева: Перевод. – М.: Политиздат, 1990. – С. 17–93.
3. **Фромм Е.** Революція надії / Е.Фромм // Сучасна зарубіжна соціальна філософія: Хрестоматія : [Навч. посіб.] / Упоряд. В. Лях. – К.: Либідь, 1996. – С. 135–192.
4. **Шинкарук В.** Віра, надія, любов / В. Шинкарук // Віче. – 1994. – №3. – С. 146–150.

Надійшла до редколегії 17.01.2012 р.

УДК 165.171:114 (159.922.24)

И. В. Павленко

Державний ВНЗ «Национальный горный университет» (г. Днепропетровск)

МЕТАФИЗИКА ЛАНДШАФТА И ЛАНДШАФТ МЕТАФИЗИКА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВАНИЙ

Розглядається відповідність процесу філософствування і ландшафту. Етапи розвитку філософської рефлексії відносно світу подані як певні топологічні практики.

Ключові слова: ландшафт, простір, горизонт, рефлексія, філософія, надмірність, метафізичне заглиблення.

Рассматривается соответствие процесса философствования и ландшафта. Этапы развития философской рефлексии в отношении мира представлены как определенные топологические практики.

Ключевые слова: ландшафт, пространство, горизонт, рефлексия, философия, избыточность, метафизическое углубление.

In article conformity of process of philosophizing and a landscape is considered. Stages of development of a philosophical reflection concerning the world are presented as the certain topological experts.

Keywords: landscape, space, horizon, reflection, philosophy, redundancy, metaphysical deepening.

В настоящем очерке мы совершим попытку рассмотреть ландшафт. При этом нас будет интересовать не его внешнее, отстраненное бытие, с этой точки зрения он мог бы вызвать любопытство скорее у картографа или геолога, но его отнесенность к некоторому метафизическому углублению, которое присуще философу. Нас интересует общая форма мысли философствующего человека, ее напряжение и глубина, рассматриваемые во взаимосвязи с определенными внешними факторами.

В наше время нет недостатка в смысловых перевертышах-оксюморомах, описывающих ментальные характеристики внешней среды и quasi-пространственные свойства наших мыслительных форм. «Когнитивные карты», «горизонт понимания», «пространство дискурса» встречаются в современной философии чаще, чем вещь в себе или субстанция.

Правда, с равным успехом можно было бы сказать: «когнитивный горизонт», «пространство понимания», «карта дискурса». Создается впечатление, что все это – ни к чему не обязывающие метафоры, украшение речи. До каких пределов позволительно длить подобные аналогии? Что может дать нам такое сопоставление несопоставимого? Разрешаем ли мы таким образом хотя бы одну философскую проблему или просто совершаем некие стилистические упражнения.

Нетрудно заметить, что почвой для подобных сращений является сам язык и его логико-семантический строй. Кажется, что совершенно естественным образом появилась возможность конструировать смысловые объекты, не имеющие под собой реальной почвы. В языке и с его помощью на мир набрасывается условная топологическая сеть и любые события, процессы, вещи или состояния становятся выпуклыми, рельефными, приобретают особое смысловое измерение. Мы говорим о рельефе мускулатуры, о высоких отношениях, о низком поступке или человеке, высоком и низком стиле, об ухабах, изломах, лабиринтах мысли, о правых и левых в политике, о пространственной семантике в психологии и в культуре. Количество пространственных, в том числе и ландшафтных, аналогий – поистине бесконечно.

Оппозиции «верх-низ», «правый-левый», «вперед-назад» задают некую систему координат, имеющую прежде всего психологические основания. Эти последние являются, вероятно, наиболее фундаментальными среди прочих, во всяком случае, их действие можно наблюдать на самых ранних ступенях развития человека. Так, во время игры ребенок способен любую поверхность превратить в подобие ландшафта, используя различные предметы для моделирования местности. При этом новая, ландшафтная роль вещи вытесняет старую, не оставляя ей места.

Такое конструирование модели ландшафта наводит на определенные размышления. Не должны ли мы искать корни нашего пространственно-ориентированного мышления в природе самих вещей? Ведь очевидно, что вещи, окружая нас, создают своеобразный микроландшафт, или интерьер. Каждая вещь есть некая выпуклость или впадина на поверхности мира, есть то, что приковывает взгляд. Здесь наше тело или наше зрение впервые наталкивается на препятствие, и это состояние непрерывной топологической фрустрации является необходимым условием человеческого существования.

Мир для человека, как он есть здесь и теперь, является последнему как совокупность топологически определенных границ, плоскостей, ограничивающих возможности нашего восприятия и наших действий. Можно сказать, что топологические границы очерчивают для человека само сущее, а значит, являют нам границы дозволенного, поскольку лишь сущее досягаемо и возможно для человека. Например, у Хайдеггера: «...die Räumlichkeit offenbar das innerweltlich Seiende mitkonstituiert...» – «...пространственность очевидно соконституирует внутримировое сущее...» [1, с. 101].

Слово «граница» не должно пониматься здесь буквально, поскольку зачистую никакой границы в собственном смысле перед нами нет, а есть некий массив, конгломерат вещей, противостоящих и предстоящих нам, с наличием которого мы обязаны считаться.

Философия, лучше сказать, – философствование, также едва осязаемыми нитями связано с той предметной средой, в которой оно осуществляется. По-

мимо интерьера и городских построек нас окружает также ландшафт. Здесь под словом «ландшафт» (Landschaft) понимается местность, относительно свободная от навязчивого присутствия людей и продуктов их деятельности [2, с. 813]. В ней достаточно легко движется взгляд философа, это, если угодно, – окрестности самого процесса философствования. Поэтому не философия и не метафизика ландшафта являются здесь объектом нашего внимания, но то *как* есть ландшафт для философа, а также философ и его философия в ландшафте.

Каким образом специфика ландшафта может войти непосредственно или как-то иначе в состав философского знания? Очевидно, что это событие исключительное. Мы же будем вести речь о тех случаях, когда внешние по отношению к философии предметность и явленность ландшафта выступают в качестве своеобразного аналога философского мировоззрения. Но прежде чем говорить об этом, мы должны приблизиться к ландшафту, войти в него.

В обычных условиях местность окружает нас постоянно, более того, сама является важным элементом обыденности, даже если и не дается нам непосредственно. Эта данность или, говоря иначе, обнаружение ландшафта не может осуществиться, пока мы остаемся в стенах своего жилища. Лишь покидая его, мы открываем ландшафт. Зачастую для этого достаточно просто посмотреть в окно. Само это открытие уже является проблемой, решение которой существенно зависит от общего подхода к действительности и ее содержательной интерпретации в рамках той или иной философской позиции. Следует понять, что же, собственно, человек видит, покидая свой дом. Рассмотрим это событие так, как если бы оно происходило впервые.

В ландшафте действительность открывается и осмысливается как *окоём*, как пространство, охватываемое, поглощаемое взором, как нечто большее, чем все, что человек видел до сих пор. Рассматривая местность с какой-либо возвышенной точки, человек не находит препятствия своему взгляду и здесь его зрение впервые имеет возможность реализовать свои потенции. Значительность открывающейся перспективы нельзя понимать как значимость и, тем более, – полезность. В ландшафте человеку открывается нечто иное, превосходное по своей масштабности, то, что можно обозначить как *избыточность*. Это обнаружение чрезмерности, расточительства, щедрости бытия удачно описывается выражением «захватывает дух». Захваченность духа, увлечение и возбуждение в момент созерцания ландшафта есть не что иное, как экзистенциальный аналог его значительности, есть соответствие ему человеческого существа. Нам открывается целый мир дотоле невиданных объектов и мы не понимаем до конца ни их назначения, ни, тем более, смысла. Но мы в достаточной степени утверждены в этой реальности ландшафта, поскольку в силу особенностей своего восприятия пребываем в ней как центр, как точка отсчета.

Конструирование восприятий осуществляется независимо от того, подлежит этот процесс рефлексии субъекта или нет. Между тем, такая рефлексия является необходимой предпосылкой и условием открытия ландшафта именно как ландшафта, как определенной системы, а не хаотичного нагромождения природных объектов. Здесь имеет место не формальный осмотр местности, но метафизическое состояние с ней, в котором осуществляется фундаментальный прорыв из сферы равнодушия, параллельного существования мысли и среды, в сферу сопричастности, соответствия, диалога. Мысль обнаруживает ландшафт как свой внешний чувственный аналог, она вступает в контакт с открываемой ею реальностью, и окоем есть зона, область этого контакта, то место в ткани универсума, в которое сам выносит себя человек. Мы видим эту ткань, трепещущую в месте контакта, соприкосновения с субъектом. В этом трепете мы узнаем вещь, феномен в его непосредственности, который при определенных условиях и превращается в ландшафт.

В этом узнавании важны по меньшей мере два аспекта: чувственный охват зоны контакта с окружающим миром и ноуменация, именование его результата. Лишь совместив эти действия, мы приобретаем первичное открытие ландшафта как такового, как совокупности *мест*, то есть не только как *события*, которое случается или бывает, но также и как *со-бытия*, которое длится.

«При необнаружении чего-либо на *его* месте, местность места становится часто впервые ясно доступна как таковая. Пространство, открытое в осматривании В-мире-бытия, как вместимость целостности средств, всегда принадлежит в качестве его места к самому существу. Голое пространство все еще закрыто. Пространство расщеплено на места» [1, с. 104].

Только отсутствие чего-то на его месте показывает, что это место *есть*. Все доступные нам вещи занимают свое место, но само по себе *Место*, или место как таковое, тоже есть место – для самого сущего. Одна теоретическая конструкция есть место для другой, лишь потому, что мы способны отвлечься и от конкретных вещей и от конкретных мест, которые эти вещи занимают.

Феномен и ноумен уже не находятся здесь в столь традиционной для них оппозиции. Именованный, смысловой феномен – вот что открывается человеку в месте контакта как *реальность* и это уже его, человеческая реальность. Не холодное и бессмысленное конструирование восприятий, а наделение их некоторым качеством. Здесь узнавание еще не есть познание в подлинном смысле, но лишь одно из условий семантической целостности ландшафта.

Внешний вид местности, а также имя, которое мы ей присваиваем, создают ситуацию привычности, знакомства, сопоставления с чем-то ранее виденным. Так, при слове «горы» у меня в сознании возникает вид заснеженных вершин на горизонте, вид альпийских лугов и т. п. Однако здесь я еще пребываю в некотором отстранении от своего предмета и рассматриваю местность как нечто простое и обыденное, тогда как для постижения предмета необходимо и существенно удивление, то есть некоторый выход за рамки обыденности. Если узнавание характерно для видения ландшафта, то удивление есть первый шаг к его пониманию, о-смысливанию, проникновению в ландшафт.

Удивление есть скорее не-узнавание того, что открыто нам в месте контакта. Оно выступает в качестве просвета между узнанной вещью и самим процессом узнавания, просвета, в котором созерцаемое впервые обретает *смысл*.

Иногда, впрочем, возникает положение, когда не только вещь не узнана поистине, но и сам контакт или привычный способ контакта могут быть поставлены под сомнение. Это специфическое умонастроение, склонное интерпретировать реальность, как нечто либо призрачное, либо сокрытое и сокровенное – то, что должно быть прочитано и понято, – является основной составляющей *метафизической ситуации*.

Здесь важно уточнить, о чем, собственно, идет речь. Следует четко отграничить те формы данности ландшафта, которые *еще* или *уже* не являются метафизическими. С одной стороны, это безразличное, холодное восприятие местности, когда последняя не принята как ландшафт, то есть еще не является смысловым целым. Сюда могут быть отнесены, например, все виды утилитарного отношения к местности. С другой стороны, мы не должны стремиться даже теоретически превратить ландшафт в иллюзию или оказаться *по ту сторону* ландшафта, чтобы, тем самым, сделать его специфику как феномена чем-то несущественным.

Нам открыта возможность обособления от местности как обнаженного чувственного материала, но не путем прекращения его восприятия или ухода в область трансцендентного. Напротив, необходимо войти в ландшафт, утвердить в нем себя и свою мысль, узнать его как нечто свое, иными словами, – совершить акт понимания, осуществить герменевтическое проникновение. Так у поэта художник входит в свою картину, точнее, в мир, явленный его картиной, входит и поселяется в нем. Так дети верят в реальность своих фантазий. Так и ландшафт – не мечта, не греза и не картинка только, но живой объект понимания – реальность, которая еще ждет от нас своего конституирования и осмысления. Таким образом, чтобы не потерять ландшафт, мы не должны относиться к нему пренебрежительно, как и для того, чтобы его приобрести, мы не должны подчиниться ему как внешней, отстраненной реальности.

До сих пор наше рассмотрение носило несколько бесчувственный характер. Ландшафт еще не стал фактором экзистенциального порядка, здесь он лишь повод и условие метафизического углубления и размышления. Этот формально-онтологический подход может быть оправдан лишь в той степени, в какой он является почвой для дальнейшего развертывания рефлексии. Ведь очевидно,

что человек отнюдь не равнодушный созерцатель природных красот. Прежде чем обнаружит соответствие мысли и среды, он должен так или иначе *пережить* ландшафт. В этом переживании важны все те компоненты, о которых шла речь выше: обнаружение, узнавание, вчувствование и понимание – на всех этих этапах отношение человека к ландшафту эмоционально окрашено.

Зададимся вопросом: существует ли ландшафт, наиболее полно соответствующий спекулятивному философскому размышлению и если да, то каков он? Возможно ли, чтобы вид местности, столь определенной в своем бытии, вызывал у человека то умонастроение, которое мы называем философским и которое реализуется в совершенно специфических результатах.

Утвердительный ответ на этот вопрос предполагает наше знание о том, что такое философия и что такое философское умонастроение. Последнее связано с притязаниями человеческого духа обнаружить такое свидетельство о феномене, которое к самому феномену несводимо и непосредственно в нем самом не содержится, а значит, никак не дано на уровне чувственного контакта с миром.

Однако это свидетельство, само не имеющее чувственного характера, является необходимой предпосылкой обнаружения любого феномена как такового. Ведь философия – это всегда попытка шагнуть в глубь феномена или, в ряде случаев, *за* феномен, способ обрести его как-то иначе, чем это делается в быту или в частных науках. Если философия желает соответствовать своей задаче, тогда ее путь – мимо ярких красок и звуков бытия, туда, где поток наших восприятий обрывается, впадая в чувственный универсум, не имея возможности двинуться дальше. Острота переживаний возникает здесь не по поводу открытия отдельности, индивидуальности феномена, но по поводу открытия самой феноменальности, растворяющей в себе любую особенность.

Нет никаких оснований утверждать, что философское умонастроение совершенно чуждо всякой эмоциональности. Напротив, в глубине любого философствования всегда лежит значимое переживание, характеризующее тип эмоциональности, равнодушия по отношению к миру.

Спокойствие философа, если оно вообще имеет место, как правило, весьма обманчиво. Оно является не столько свидетельством его силы и удовлетворенности, сколько итогом осознания своей принципиальной беспомощности и невозможности что-либо осуществить поистине, в том числе и в своей собственной предметной области.

Спокойствие и удовлетворенность не открывают собой философии, они скорее завершают ее тогда, когда в действительном бытии у нас не остается никаких надежд. Спокойное и отрешенное состояние духа есть неотъемлемая формальная часть любой зрелой философии, ибо это одновременно и условие всякой глубокой рефлексии, без которой философия вообще немыслима.

Семантическая плотность философского текста, его смысловое напряжение не имеют ничего общего с возбужденным, неистовым состоянием духа. Как создание, так и постижение текста предполагают принципиальную автономию субъекта от сколько-нибудь серьезной остроты переживаний. Для того чтобы действительно писать «серыми красками на сером фоне», необходимо забыть о других красках бытия.

Если философия хочет сказать человеку правду о его бытии, она должна избегать желания быть привлекательной или страшной правдой о человеке, поскольку то человеческое бытие, с которым она имеет дело, в достаточной мере бес-человечно, не-очувствленно, а потому *не приятно* и *не страшно* в привычном значении этих слов. Это бытие, в «*есть*» которого присутствует истина факта, никакими чувствами еще не окрашенного, и ни к какому отдельному состоянию экзистенции не сводимого.

В этом *присутствии* все эмоции и настроения угасают. Холод, спокойствие и отрешенность человека, с одной стороны, и призрачность, пустота и равнодушие внешнего мира, с другой, создают в результате уникальное метафизическое состояние, сопребывание *Я* и мировой среды, которая уже не блага и не враждебна, но *рас-положена* к индивиду и *находится*, обнаруживается в некоторой отстраненности от него, выдерживает определенную дистанцию и потому позволяет человеку

войти в метафизическую ситуацию, предаться спокойному созерцанию и сосредоточению, что и является необходимым условием философствования.

Этот ландшафт, в котором, возможно, не столь уютно физически, есть в то же время оптимальное местопребывание духа, который свободно осуществляет себя на этом фоне. Серый, без единого просвета пейзаж – холодное, ничем не прерываемое спокойствие и однообразие пустоты и отрешенности. Одиночество и умиротворенность человека, ничем не отягощенного, не имеющего цели и стремлений, лишено бурных чувственных проявлений.

Человек здесь – онтологический свидетель, наблюдатель, присматривающийся за бытием, ландшафт – сцена и декорация этого процесса, нечто, выступающее в качестве интегрирующей силы, которая сводит все наши разрозненные созерцания в единое смысловое целое. Декорация, более или менее удачная, или же вовсе – глухая стена, делающая созерцание невозможным.

Этот человек – философ, для которого сама смерть теряет свои экзистенциальные ориентиры и становится достоянием спокойной рефлексии, фактом не более значительным, чем жизнь, которая также утратила свою привлекательность и остроту.

Библиографические ссылки

1. **Heidegger M.** Sein und Zeit / M. Heidegger. – Neunzehnte Auflage. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2006. – 445 s.
2. Landschaft. – Wahrig Deutsches Wörterbuch. – Bertelsmann Lexikon Verlag. Gütersloh / München, 1986–1991.

Надійшла до редколегії 18.01.2012 р.

УДК 128

Ю. В. Писна

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Е. ТРУБЕЦКОЙ: САМОУБИЙСТВО КАК АКТ ВОЛЕВОЙ ЭНЕРГИИ, СТРЕМЯЩЕЙСЯ К СМЫСЛУ

Присвячується аналізу оригінальних поглядів Є. Трубецького на проблему самогубства у контексті суїцидологічних досліджень у російській релігійній філософській думці.

Ключові слова: самогубство, воля, сенс, людина, ціль.

Посвящается анализу оригинальных взглядов Е. Трубецкого на проблему самоубийства в контексте суицидологических исследований в русской религиозной философии.

Ключевые слова: самоубийство, воля, смысл, человек, цель.

This article is devoted to the analysis of E.Trubetsky's original sights at a problem of suicide in a context of suicidological research in Russian religious philosophical thought.

Keywords: suicide, will, sense, the person, the purpose.

Актуальность. Проблематику философских поисков русских мыслителей, в частности религиозных, составляют вопросы о духовной сущности человека, о вере, о смысле жизни, о смерти и бессмертии, о свободе и ответственности. В контексте перечисленных проблем важно выделить феномен самоубийства, представляющий многогранную, сложноустроенную и трудноразрешимую проблему духовной сущности человека. Актуальность изучения данного феномена в контексте русской религиозной философии определяется, в свою очередь, тем, что рус-